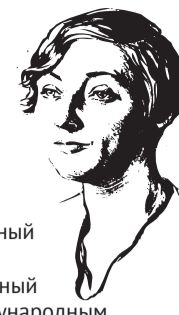

Елабужский
ИНСТИТУТ КФУ

UNIVERSITY Вести

Специальный
выпуск,
посвященный
VIII Международным
Цветаевским чтениям

Газета Елабужского института Казанского федерального университета

№ 7 (103)
Август 2016 г.

Елена Мерзон,
директор Елабужского
института КФУ

Участникам и гостям VIII Международных Цветаевских чтений

Уважаемые участники конференции и гости!

Я рада приветствовать всех вас на VIII Международных чтениях, посвящённых выдающемуся русскому поэту – Марине Ивановне Цветаевой.

Марина Цветаева, по определению другого поэтического гения – Иосифа Бродского, высоко оценённого её талант на фоне и в сравнении с ее известнейшими современниками, является «самым крупным поэтом XX столетия». Её поэзия всегда будет привлекать внимание исследователей и многочисленных читателей.

Именно поэтому здесь, в Елабуге, последнем земном приюте Поэта, в восьмой раз собираются почитатели её творчества, ученые и поэты, музейеды и журналисты, деятели культуры и искусства из разных уголков мира, чтобы обменяться архивными материалами, новыми находками, трактовками её произведений, биографии. Заявленная тематика конференции предполагает осмысление новых граней литературного таланта М.И. Цветаевой, философии Поэта, европейского и русского контекста ее творчества, читательского восприятия. Работа Цветаевского форума является, безусловно, важной частью

гуманитарных научных исследований Казанского федерального университета.

Все материалы, выработанные в ходе конференции, несомненно, будут способствовать бережному сохранению и развитию цветаевского наследия, усилению его роли в формировании духовного мира современных читателей и общечеловеческих ценностей и, конечно же, популяризации личности и творчества Поэта. Желаю всем участникам Чтений успешной и плодотворной работы, творческого и научного диалога, интересных встреч, здоровья и благополучия.

Марина Цветаева: «На мне люди оживали как янтарь...»

Эсфир Красовская, директор Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» в Москве (1990-2016), лауреат Литературной премии им. Марины Цветаевой (2010 год)

Дом Марины – волшебное место. Я очень люблю этот дом, у него необыкновенная аура... Он в моей жизни всё, он всё время у меня в сердце, со всеми радостями и проблемами. Те, кто любит поэзию Марины Ивановны, согласятся со мной: Цветаева – это судьба...

В доме ощущаешь благо воскрешения прошлого. Осязаемо воспринимаешь очищающую силу её влияния. Запомните признание Цветаевой: «От меня шла свобода... На мне люди оживали как янтарь, сами начинали играть».

Зоя Атрохина, директор Мемориального дома-музея М.И. Цветаевой в Болшево, лауреат Литературной премии им. Марины Цветаевой (2014 год)

Я любила творчество Марины Ивановны с юности. Но о том, что живу в доме, где она была с семьей в 1939 году, и даже больше – в Цветаевской гостиной, понятия не имела, пока поисками не занялся Юрий Кошель...

<...> Затянуло меня. Да, я больна Цветаевой, я оправдываю все ее поступки, я ее чувствую, понимаю. А дочери говорят, что у них Марина Цветаева отняла маму. Для них Цветаева – это мамина работа.

Лев Мнухин, к.т.н., научный сотрудник Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», Мемориального дома-музея М.И. Цветаевой в Болшево, лауреат Литературной премии им. Марины Цветаевой (2007 год)

В поэте для меня и сегодня есть много неразгаданного. Читая и перечитывая её вещи, я всё время нахожу для себя что-то новое, не увиденное ранее... Попробуйте читать одно и то же её произведение с периодичностью в год или полгода, и вы будете воспринимать его по-разному, вам будут открываться новые смыслы. Это гениальный художник.

Для меня стихи, проза и письма Цветаевой ещё и своего рода энциклопедия быта и бытия. Очень часто удаётся в её текстах найти ответы на свои важные вопросы.

Елена Коркина, к.ф.н., научный сотрудник отдела «Архив русского зарубежья» Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой», лауреат Литературной премии им. Марины Цветаевой (2007 год)

... А вы «Поэму конца» можете написать? Нет? Ну, а чего вы хотите-то? Это же ненормальное явление – «Поэма конца», так? А почему у ее автора должно быть в остальном-то все нормально? В стихах же ее это сказано: «Ибо раз голос тебе, поэт, дан – остальное взято». А «остальное» – это же не только богатство, благополучие и счастье в личной жизни. Это все что угодно – и доброта, и жалость, и чувства к окружающим. И к чему угодно. Вернее – ко всему...

Рафаэль Мустафин, писатель, журналист (1931-2011)

Меня иногда спрашивают, что послужило толчком к поискам сведений о пребывании М. Цветаевой в Елабуге. Отвечаю: знакомство с её только что вышедшим в начале 1960-х годов томиком стихов. Её стихи покоряют сразу – и навсегда <...>. С одной стороны, намеренная усложнённая образной системы, создающей трудность для восприятия. А с другой – ощущение головокружительной глубины. М. Цветаева умеет вместить сумятицу чувств в строгие рамки гармонии. Ни одного тусклого или бесцветного слова! Все строки – живые, сочащиеся кровью чувств...

Антон Быков, к.ф.н., доцент, Елабужский институт КФУ

Цветаева интересна не только своими многими замечательными стихами, но и своей биографией, характером. Приобщение к её творчеству – это всегда попытка понять человека, не нормального с точки зрения большинства, не вписывающегося в традиционные нравственные нормы, просто другого человека. Цветаева – это в полном смысле другой, значительно отличающийся человек. Понять и принять другого человека (хотя бы не осуждать) – это самое трудное (практически невозможное) и самое главное дело в жизни. Большая часть людей, к сожалению, понять и принять Цветаеву не может.

Ирма Кудрова, писатель, исследователь жизни и творчества М.И. Цветаевой, лауреат Литературной премии им. М.И. Цветаевой (2008 год)

Однажды, размышляя наедине с собой (и тетрадь) о сложности пастернаковских творений, Цветаева сформулировала мысль о том, что по-настоящему Пастернак «осуществляется» только в талантливом читателе. В таком, который способен к активному сотворчеству и готов к усилиям, подчас утомительным. Но это утомление, записывала Цветаева, сродни усталости рыбака в дни удачного лова. Утомление не растраты, а прибытка. И еще другое сравнение приходило ей в голову. Пастернак не предлагает нам готовое: вот что я сделал – любуйся! (Так творил, по мнению Цветаевой, Бунин). Пастернак приводит читателя на прииски: вот здесь золото – добывай! Я бился, теперь побейся ты... И только читатель, который готов к такому сотворчеству, бывает вознагражден сполна. Он слышит глубинный смысл текста, его музыку, скрытые обертоны – и обретает то, с чем становится уже иным человеком.

Галина Ванечкова, исследователь жизни и творчества М.И. Цветаевой, основатель Общества Марины Цветаевой в Праге (Чехия)

В 1961 году я увидела на полке у подруги книгу Цветаевой, которую как раз только издали. Та удивилась, что я до сих пор ничего не знаю о Цветаевой, и дала мне эту книжку прочесть. Я открыла – и была потрясена этой поэзией. С тех пор я решила, что такими потрясенными должны быть все, с кем я встречусь, кому я смогу сказать, что вот, был такой прекрасный поэт.

Наталья Ларцева, журналист, исследователь жизни и творчества М.И. Цветаевой

О Цветаевой услышала только в шестидесятых годах теперь уже прошлого столетия, когда поехала в Италию. «Вот опять окно, где опять не спят...» – эти стихи в устах итальянца Томазо, хоть и окончившего Московский университет, звучали как перевод. Он протянул мне сборник «После России» и спросил: «Вы любите Цветаеву?» Мне пришлось признаться, что я не знаю этого поэта. Вернувшись домой, нашла все, что можно было найти. И на меня налетел шквал такой неистовой силы, что позабыла обо всем. Вот с тех пор и люблю, и перечитываю Цветаеву, все больше понимая, что она бездонна...

Виль Мустафин, поэт, лауреат Литературной премии им. Марины Цветаевой (2014 год, посмертно)

В поэзии в свое время меня потрясла Марина Цветаева. И она «потащила» в меня своих друзей: я прочитал Ахматову, потому что ее стихи очень нравились Марине Ивановне, прочел Брюсова, потому что именно его перу принадлежит первая рецензия на стихи юной Цветаевой...

Юлий Зыслин, к.т.н., писатель, бард, основатель Вашингтонского музея русской поэзии и музыки (США)

...Начало «болезни» [Мариной Цветаевой] приходится на 1982 г., а ее пик – на 1991 г. Я проехал почти по всем цветаевским местам России и Украины, познакомился со многими цветаеведами, был на кладбище в Елабуге, где она обрела покой. И опять возникли стихи, песни, а потом и путевые заметки «От Елабуги – до Черной речки».

Вячеслав Лютый, литературный критик, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Подъем»

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя ее судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьезно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Лилия Рамазанова, студентка 4-го курса Елабужского института КФУ

С М.И. Цветаевой меня «подружила» на 3-м курсе мой научный руководитель Галина Божкова. Не могу сказать, что все сразу пошло гладко, иногда приходилось снова и снова пересиливать себя, перечитывать... Но в процессе работы мое отношение к теме изменилось кардинально. Марина Ивановна была очень сильной женщиной, сама выбирала свои пути. Во мне тоже есть нотки мужского характера. Думаю, что эта научная работа – одна из первых в ряду моих исследований творчества великого поэта.

Рахим Гайсин, к.ф.н., доцент, Елабужский институт КФУ, поэт

Марина Цветаева взшла на поэтическую стезю в то время, когда традиционное восприятие бытия переживало глубокий кризис, становилось все более архаичным. Двадцатый век в искусстве начал жить в новом художественном измерении, учитывающем изменившиеся представления о мире, о месте человека и творчества в нем. Цветаева, как и близкие ей великие современники – Блок, Волошин, Мандельштам и ряд других, блестяще справилась с эпохальными вызовами нового столетия. На мой взгляд, ее поэтическое дарование оказалось, в этом смысле, наиболее органичным и убедительным. Поэтому личность и творческое наследие М.И. Цветаевой всегда будут в центре внимания вдумчивых читателей, многочисленных поклонников ее уникального таланта, а также вызывать повышенный интерес у исследователей.

Вячеслав Крылов, д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого КФУ

В этом году, готовя доклад на очередные Цветаевские чтения в Елабуге, я соприкоснулся не с поэзией, а с прозой Марины Цветаевой. Боясь развязать алгеброй гармонию, я все-таки больше остаюсь читателем ее несравненной поэзии, музыка ее стиха остается в моей душе. Но и проза поэта, тем более такого масштаба, как Цветаева, всегда несет в себе черты поэтического мышления. И она позволяет глубже понять ее поэтическое творчество. Внимательное прочтение ее эссеистики (а летние месяцы, к счастью, дают такую возможность) позволяет почувствовать и увидеть, что и в своей прозе Цветаева такая же, как и в стихах. Ей также свойственны контрастность мышления, афористичность, ее «голос» при этом – голос человека, уверенного в том, что является ее выстраданным убеждением, несмотря ни на что. Я открыл для себя смысловую глубину ее прозы, к которой некоторые ее современники относились снисходительно. Поражаешься философичности ее взглядов на искусство, на художника в его отношении со временем и вечностью.

Помню, как меня поразило заключительное место из эссе «Искусство при свете совести»: «Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник важнее поэта, потому что они у смертного одра, а не мы.<...> За исключением дармоедов во всех их разновидностях – все важнее нас.

И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твердой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная больше, творю меньше. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста». И в этом – вся Цветаева.

Часть материалов
подготовлена по публикациям в Интернете

РОССИЯ - ЯПОНИЯ

Идзуми Маэда: «Душой и мыслями с Вами»

Это удивительно, если не сказать парадоксально: Идзуми Маэда - переводчица с русского на японский, Филолог с большой буквы выбирает и оставляет в центре своего внимания творчество Марины Цветаевой.

- Что тут удивительного? - спросит несведущий. А сведущий согласится: да, для японской женщины такой типаж - это как открытие новой планеты. Переводчица как бы говорит своим соотечественникам:

- Девочки! Женщины! Подруги! Вы только послушайте, как можно разложить свою боль на молекулы и атомы, чтобы описать «муки и радости». Узнавайте себя, спрятанных в шелка традиций и воспитания, но в глубине души согласных: да, такая она - любовь, и такая она - потеря... По сравнению с этим поэтом даже наша Акико Ёсано, которую мы считаем очень смелой, не очень-то далеко уходит от привычных образов:

...В груди у меня
вздвигаются волны прилива,
то бушует пожар -
так безудержно и беззаветно,
так безумно я люблю! -
Слушайте же, как о том же накале чувств говорит русская женщина, поэт Марина Цветаева:

Через дыхание - в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! - Все уста о шипя
Выкровяню и верну с одра!

Собственно, это знакомство с «новой планетой» вовсе не значит переселение на ту планету и отказ от своего образа мыслей и жизни. Это просто дополняет картину женского мира. Не то что у читателей, у самой Идзуми исконно восточный характер остается несокрушимым. Закрытость внутреннего мира в сочетании с лучезарной добротой, щедростью, горячими рукопожатиями - такой я узнала Идзуми в 2002 году с Первых Цветаевских чтений и знаю до сих пор, поскольку все эти годы, даже если переписка обрывалась по разным причинам, мы помнили о существовании друг друга и поздравляли с праздниками. А при встрече в Елабуге в 2012 году на Шестых Чтениях... О, эти искрящиеся любовью глаза и подарки-сувениры, этот сдержанный восторг перед моими безыскусными кулинарными угощениями за нашим семейным столом - всё было стопроцентно искренне, я не сомневаюсь.

Идзуми сразу обратила на себя моё внимание одним качеством, которое я очень ценю в людях: она не просто держала взгляд, она пригласила в свои глаза - мои. Мы встретились там.

- Как у вас мило и тепло, - сказала я.

- Проходите, проходите, будем вместе греться, - ответила она. Молчаливый диалог был закреплен улыбкой, и с тех пор мне всегда легко с этим человеком!

Трижды я публиковала интервью с Идзуми Маэда. Первый раз - в елабужской районной газете в 2002-ом, а в 2012 году - в газете «Республика Татарстан» и в ставшей моим «любимым детищем» - газете «UNИвести».

...Юная студентка филологического факультета Токийского университета на втором курсе начала изучать русский язык, увлеклась поэзией Серебряного века. Начала с Ахматовой, а к Цветаевой «пришла» окончательно, когда оказалась в кругу поклонников её творчества на праздновании 100-летия поэта в Америке. Там она услышала и навсегда запомнила «музыку» речи Иосифа Бродского. Между прочим, эссе Ирмы Викторовны Кудровой «Верхнее «до» об этой Международной научной конференции в штате Массачусетс и сейчас «висит» в Сети. Вот небольшой отрывок из него:

«Бродский выступил там последним - и произвел фурор. Слушать его доклад было нелегко: особенность его манеры чтения известна, а тут еще вдобавок он очень спешил, дабы уложиться в регламент - за соблюдением его устроители строго следили. Особенно трудно пришлось, конечно, западным славистам - так быстро он говорил. И все же - поскольку докладчик всласть цитировал цветаевские и пастернаковские тексты - главный пафос предложенного им сопоставления уловили все. Как и несомненное предпочтение мощи цветаевского поэтического дара.

Когда позже участники конференции вышли из здания, где читались доклады, и неторопливо двинулись по территории кампуса, уже стемнело. В центре нашей группы оказался Бродский. Разговор поначалу касался многого и разного. И в какой-то момент - это было естественно после услышанного - речь зашла об оценке таланта Марины Цветаевой на фоне и в сравнении с ее известнейшими современниками. И тут Бродский высказался так категорично, как (насколько я знаю) он никогда не формулировал свою позицию в печати. Он назвал Цветаеву самым крупным поэтом XX столетия. Я попробовала уточнить:

- Среди русских поэтов? Он повторил, раздражаясь:
- Среди поэтов XX века.

Его раздражительность была малоприятна, но мне очень уж хотелось знать его мнение без путаниц и недомолвок, и я продолжала уточнять:

- А Рильке?

И еще назвала чье-то имя, сейчас уже не помню - чье. Бродский повторил, сердясь все более:

- Крупнее Цветаевой в нашем столетии нет поэта.

Там, на этом празднике поэзии, юная Идзуми Маэда подошла к Ирме Викторовне - человеку той же породы «не отводящих глаз». Разумеется, контакт имел последствия: вскоре маститый цветаевед И. Кудрова представила на Болшевских чтениях русистку из Японии И. Маэда.

А в 1995-1997 годах Идзуми учится и заканчивает аспирантуру при МГУ под кураторством О.Г. Ревзиной - известной исследовательницы творчества М. Цветаевой.

Вот почему к приезду в Елабугу Идзуми уже почти без акцента говорила по-русски. Свой доклад на Первых чтениях она назвала «Поэтика Марины Цветаевой». Там не все термины были «по плечу» даже иному русскому читателю. Да что термины! Какие смыслы! Вот только одна цитата из того доклада:

«Поэтический язык Цветаевой в эмигрантский период во многом отличается от языка других писателей. Возьмём хотя бы «Поэму конца» и «Поэму воздуха». В этих поэмах, по словам А. Ахматовой, «Марина ушла в заумь». Почему с одной Цветаевой так случилось - мы можем лишь предположить, но, на мой взгляд, это свидетельствует о том, что для неё родной русский язык был духовной опорой в гораздо большей степени, чем для других эмигрантов; может быть, он был даже единственной её нравственной поддержкой. Именно поэтому она так жадно стремилась усилить возможности языка разными художественными приемами и лингвистическими экспериментами, отсюда её языковой радикализм 1920-х годов».

Идзуми Маэда тут не просто вычитывает «многоколейный ход мышления» (выражение из этого же доклада), но и прямо-таки философски обосновывает художественные приемы поэта.

Не удивительно, что у себя на родине с годами И. Маэда становится все более известной и считается главным специалистом по творчеству Марины Цветаевой (конечно, не сама она о себе так сказала, а японская коллега в разговоре по телефону с научным сотрудником ЕГМЗ Равилей Брусковой, о чём случайно стало известно и мне).

В 2006 году Маэда издает книгу на японском языке, из которой в стране Восходящего солнца впервые узнали полную биографию поэта.

На Чтения 2012 года в Елабугу она привезла доклад, показавший её творческий рост как переводчицы. Есть моменты важнее дословного текста, - доказывает Маэда на примере одного стихотворения. Вот оно:

Маска - музыка... А третье
Что любимое? - Не скажет.

И я тоже не скажу.

Только знаю, только знаю

- Шалой головой ручаюсь! -

Что не мать - и не жена.

Только знаю, только знаю,

Что как музыка и маска,

Как Москва - маяк - магнит -
Как метель - и как мазурка
Начинается на М.

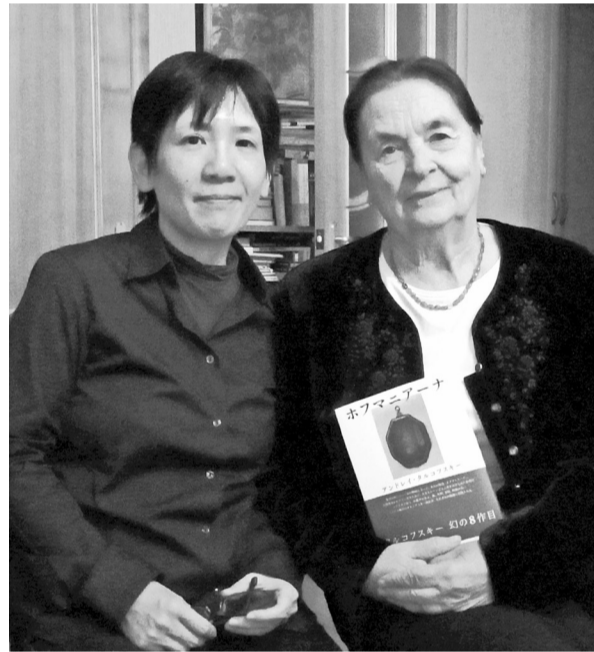
- Море или мандарины?

Но сначала я сделаю небольшое отступление. Великодуш-но приписывая не только себе, но и тому, кому писала, «большое сердце», Марина часто, можно сказать - почти всегда, ошибалась. Таким было лишь её сердце, и его хватало на многих. Она посвящает то мужу сестры (Спасибо Вам и сердцем и рукой / За то, что Вы меня - не зная сами! - / Так любите...), то мужу приятельницы Веры Звягинцевой - полушутливо, но с намёком, вот этот самый стих «Маска - музыка... А третье...».

Примеров тому, как Цветаева строит иллюзорные отношения, можно привести немало. Но отношения умирают, а стихи остаются.

Итак, словесной игре на букву «М», в результате которой угадывается имя - Марина, Идзуми посвящает анализ своего перевода. Дело в том, что далеко не все слова, приведенные в тексте, на японском языке начинаются с этой буквы, - объясняет она. И чтобы не нарушить задумку поэта, переводчик идет в обход. Поиск других слов подчиняется атрибуту оригинала: «очаровательность, привлекательность, одиночество, стихийность, прихотливость, сочность и т.д.» - перечисляет докладчик.

«В самом деле, - рассуждает Маэда дальше, - для того, чтобы переводить текст, нужно разгадывать, толковать, извлекать тайное, оставшееся за пределами слов, а переводчику требуется «воображение и добрая воля к вещи». Подражая Цветаевой, мы бы сказали: что есть перевод, как не «сотворчество» писателя с переводчиком?»

Идзуми Маэда с Мариной Тарковской

Остается только радоваться за японских читателей, за студентов Идзуми Маэда, которым она преподает в Токийском университете зарубежную русскую литературу, что у них есть столь глубокий и вдумчивый «маринист». Впрочем, Цветаева - не единственный объект внимания Идзуми. Арсений Тарковский в её переводе вызвал особый интерес в связи с тем, что в Японии любят фильмы его сына Андрея Тарковского. Особенно популярен «Сталкер». А ведь сама Идзуми и есть «сталкер» в том толковании, какое дано Стругацкими для обозначения проводников в незнакомые местности. Она ведёт своего читателя в «местность» под названием «мир Марины Цветаевой».

...А завершить свой рассказ я решила приветом самой Идзуми участникам Восьмых Цветаевских чтений. Благо это так легко сделать в современном мире, способном даже на чудеса. Однажды я получила письмо от Идзуми из будущего, написанное 25 января, а у нас было ещё только 24 января. Солнце двигалось по извечному расписанию, без учета электронных возможностей.

Итак, вот её коротенькое, но ёмкое письмо:

«Дорогие друзья-маринисты! Хотя я и не могу в этот раз участвовать в «наших» Чтениях, но душой и мыслями с вами. Да разве имеют значение разъединяющие нас версты и дали, если поэт, чья «душа родилась крылатой», навсегда связал нас любовью и уважением не только к ней, но и друг к другу.»

В Стране Восходящего Солнца по Интернету, по письмам друзей буду ловить каждый звук, раздающийся в эти дни в маленькой, но такой приветливой и гостеприимной Елабуге, которую полюбила всем сердцем за то, что здесь «с каждой волной воскресает» память о Поэте. Искренне желаю всем вам плодотворных и приятных дней!

*С наилучшими пожеланиями,
Идзуми Маэда*

КЕНОТАФ-75

Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать...

Люди со всех уголков мира приезжают в Елабугу как в поэтическую Мекку, приходят на старинное Петропавловское кладбище и видят надпись: «На этом кладбище обрела свой покой МАРИНА ЦВЕТАЕВА».

Вот и могила с надписью на гранитном надгробии: «Марина Ивановна Цветаева...».

От соприкосновения с вечностью замирает душа и возникает острое понимание тщетности бытия, становятся мелкими житейские проблемы и нескончаемая мирская суета. Вспоминаются строки её письма Райнеру Мария Рильке: «Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т. е. убийство, нескончаема, непрерывна, вечно — ежемгновенно — дрящяся. Пушкин, Блок и — чтобы назвать всех разом — ОРФЕЙ — никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем — вечно».

И возникает непоправимое чувство негодования и вины, ведь вместо могилы — кенотаф (кенотáf — символическая могила, надгробный памятник в месте, не содержащем останков покойного — от ред.). Почему?

Трагедия случилась 31 августа, когда в городе, согласно материалам Республиканской газеты «Красная Татария» от 31 августа 1941 г, проводился 2-й воскресник, посвящённый 27-му Международному юношескому дню.

16-летний сын Георгий (Мур) написал в своём дневнике от 1-5 сентября 1941г.: «Похоронили на Елабужском кладбище на средства Горсовета. Долго ждали лошадей, гроб...». Похоронили на кладбище. Почему это важно? Существовал обычай хоронить самоубийц за пределами кладбища, на неосвящённой земле. Так и поступали до того, пока Бога «не отменили». А тут 1941 год: церкви либо уничтожены, либо закрыты. В доме иконы держать было запрещено, а не то что соблюдать православные обычаи при погребении!

Мур выполнил все необходимые формальности: побывал в Горсовете, ЗАГСе, милиции. В милиции выпросил предсмертную записку Марины Ивановны, адресованную лично ему, письмо Н.Н. Асееву и переписал текст третьей записки, оставленной в «Деле».

Со слов А.И. Бродельщиковой, квартирной хозяйки, он хотел запомнить мать живой, поэтому 2 сентября хоронили Цветаеву в закрытом гробу, выехав из морга районной больницы. В сталинское время да в будний день мало кто мог позволить себе «проводить» покойницу. Именно поэтому очень скоро начались сложности, связанные с поиском места захоронения.

Борис Пастернак в письме от 25 сентября 1942г. просит свою близкую приятельницу Марию Гонтю, находившуюся в это время в Елабуге: «Напишите, в каком состоянии могила Цветаевой. Есть ли на ней крест или камень, или надпись, или какой-нибудь отличительный знак?».

Мария отвечает 12 октября 1942г.: «О Марине напишу особо. Когда хоронили Добычина, пытались установить место, где лежит Марина, и с некоторой вероятностью положили камень». Письмо, в котором Мария особо обещала сообщить о Марине Ивановне, не сохранилось. Для справки: Николай Ефимович Добычин умер после продолжительной болезни 1 октября 1942г., его жена Зинаида Серякова установила памятник, который благополучно сохранился.

Так почему же спустя всего лишь год была отмечена не точная, а вероятная могила? Кто же мог знать точное место погребения М.И. Цветаевой?

Квартирная хозяйка, обиженная на постоялицу за осквернение дома, на похороны не пошла и местом её захоронения не интересовалась.

Сын Георгий каким-то образом отметил могилу. Это следует из письма Самуила Гуревича в лагерь Ариадне Эфрон, в котором он пишет, что Мурзил сделал всё возможное, чтобы это место не забылось, не затерялось. Но Георгий вскоре после похорон матери из Елабуги уехал, а летом 1944 года погиб на фронте, в Белоруссии.

Вадим Сикорский места погребения не запомнил: «Можете считать, что меня там не было... Я как в дыму был: пил тогда очень».

Работник морга, милиционер, извозчик, другие случайные свидетели траурной церемонии? Маловероятно.

В 1943 году эвакуированные литераторы вернулись в Москву, и могилой никто не интересовался до осени 1960 года. Посетить могилу сестры

приехала Анастасия Цветаева. Вот как описывает результаты этой поездки её сын Андрей Трухачев: «К этому времени следы могилы окончательно исчезли. Архивные документы с координатами места захоронения не сохранились. Самостоятельные поиски могилы не дали результатов, и Анастасия Ивановна обратилась за помощью к жене сторожа кладбища».

Женщина привела А.И. Цветаеву к южной стороне кладбища и указала примерное место захоронения 1941 года: «Вот примерно где-то здесь, в этом районе». Таким образом, точка, где в это время стояла А.И. Цветаева, была принята ею за место захоронения, которое она отметила установкой креста с соответствующей надписью: «В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева (26 сентября (ст.ст.) 1892 г. - 31 августа 1941 г.)».

В 1961 году в Москве вышел первый посмертный сборник стихов Марины Цветаевой «Избранное», в подготовке которого принимала участие дочь Марины Цветаевой, Ариадна Эфрон. Татарский писатель Рафаэль Мустафин, покорённый цветаевской поэзией, выезжает в Елабугу и начинает собирать архивные материалы о пребывании М.И. Цветаевой в Елабуге, ведёт записи бесед с елабужскими старожилами, с хозяйкой дома А.И. Бродельщиковой. Результатом его работы стала статья «За перегородкой», опубликованная на страницах газеты «Комсомолец Татарии». Страна узнала о «елабужской трагедии», и в город потянулись поклонники на поиски могилы.

Из писем А.С. Эфрон Р.А. Мустафину: 21 июля 1964г.

«...Надо произвести розыски так сказать изнутри, из самой Татарии, из самой Елабуги. Приезжим вряд ли удастся то, что может удастся старожилам, местным людям, свидетелям происшедшего на их глазах, на их памяти. Надо бы обратиться к помощи краеведов, «красных следопытов»; м.б., поместить открытое письмо соответствующего содержания в местной газете...»

Между тем преподаватели и студенты филологического факультета Елабужского государственного педагогического института организовали кружок им. Марины Цветаевой, одной

из задач которого были поиски подлинного места захоронения. Молодой преподаватель Вячеслав Головкин готов был привлечь к поиску профессиональных криминалистов.

5 мая 1970г.

«...» Насчет «участия криминалистов». Это первое, о чем мы подумали, когда выяснилось, что живых участников похорон нет, равно как и кладбищенских документов. Решили, что вскрывать чужие безымянные могилы — кощунство и осквернение праха многих и многих несчастных <...>.

Вот ответ на вопрос «Почему не проводили вскрытие».

В августе 1970 года железный крест, установленный Анастасией Цветаевой, был заменён гранитным надгробием. Литфонд СССР, соблюдая протокол, разрешил написать только имя — Марина Ивановна Цветаева. Надпись с креста была перенесена на кладбищенскую ограду.

23 июня 1985г. Анастасия Цветаева передала журналисту тульского Гостелерадиокомитета Татьяне Сергеевне Пивоваровой-Костандогло письмо на имя Председателя горисполкома г.Елабуга Б.Г. Мурясова. Суть письма — по поручению семьи Анастасии Цветаевой поисками места захоронения Марины Цветаевой займется Татьяна Сергеевна. Результатом её расследования стало «настоящее место захоронения Цветаевой». Помогали ей в поисках елабужане Владимир Николаевич Дунаев и Мария Ивановна Чурбанова. Назовём эту могилу «версионная Чурбановская».

Между тем в местной газете «Новая Кама» была опубликована статья с призывом к местному населению: «Просим откликнуться всех, кто что-то знает о месте захоронения М.И. Цветаевой». Таким образом, было нотариально оформлено еще одно предполагаемое место захоронения М.И. Цветаевой, так называемая «Матвеевская версионная могила».

Путаница?

«Желая быть предельно объективным», в августе 1986 года в Елабугу приезжает Андрей Трухачев. Он лично разговаривает со свидетелями и составляет описание обеих предполагаемых могил с ориентирами. Папка с его пояснительной запиской к исполнительной схеме привязки предпола-

- Марина, Вы где?
- Под сосной.
- Под какой?
- Где звон.
- Я слышу лишь стон.
- Не слушай, ищи.
- А как?
- Прочитай стихи.

Эдуард Мамаев

гаемого места захоронения на кладбище хранится в фондах Елабужского государственного музея-заповедника.

Пожелания родных М.И. Цветаевой были учтены. В дополнение к Распоряжению по управлению жилищно-коммунальным хозяйством Горисполкома от 2 сентября 1986 года «О сохранении предполагаемых мест захоронения поэтессы М.И. Цветаевой» вышло Распоряжение Главы администрации Елабужского района и города Елабуга от 19 января 2004 года и в южной части Петропавловского кладбища утверждена охранный зона, где новые захоронения запрещены.

31 августа 1990 года в елабужском храме Покрова Божией Матери с благословения Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси, митрополитом Казанским и Татарстанским Анастасием было совершено заочное отпевание рабы Божией Марины Цветаевой.

На кладбище был совершен православный обряд «лития». Таким образом, кенотаф стал официальной, освященной могилой Цветаевой.

А Марина? Она где-то рядом. Две предполагаемые «версионные» могилы сохраняются в их естественном виде. У Поэта в Елабуге — целое кладбище: «Цветаевское»...

Остался камень — у многих краше! —
Но нет под камнем — НЕУЛОВИМА! —
Не крыльев Ваших, не песен Ваших —
Не Вас, Марина
Цветаева...

Осталось только добавить: русский поэт Марина Цветаева нашла вечный покой в земле Татарстана, а в Москве, на Ваганьковском кладбище, рядом с оградой, где похоронены отец Марины Ивановны Цветаевой — основатель Музея изящных искусств им. Императора Александра III Иван Владимирович Цветаев, мать — Мария Александровна Мейн, брат — Андрей Иванович Цветаев, дед — Александр Данилович Мейн, — покоится прах татарского поэта Ахмета Ерикеева.

Елена Поздина

СОҢҒЫ ЮЛГА ОЗАТУ

Марина Цветаеваны зиратка конюх Ханбәков Кәлимулла Фәтхуллы улы илтә

Көзнең тәүге көне. Кырык бернең Миләшләре әнә кызара.

Соңгы йорттан мәңгелек йортка тик Маринага ничек узарга?

Кем озатыр? Аны күпләр белми, Кемдер курка ярдам итүдән. (Сакла, Ходай, чарасызлыктардан, Бу дөньядан мордар китүдән.) Соңгы юлга озата Ханбәков — Каланың бер гади эшчесе. Сүз тыңлаучан конюх — Бер карусыз хезмәт кешесе.

Ханнар, бәкләр исемен йөрткән ир-ат Ат беләнме соң йөк ташучы? — Ат яраткан татар кешесенә Жиңелрәк ул тормыш ачысы.

Келтер-келтер тәгәрмәчләр тәгәри, Жир өстендә калмый беркем дә. Цветаева бүген "дядя Коля" —

(Мишәрчә ул — "Кәлү") Кәлимулла абзый иркендә.

Табигате буенча ул — йомшак, Еламыйча калмас — булгандыр. Соңгы юлга озатуын уйлап, Әрнеп-сыкрап күңеле тулгандыр.

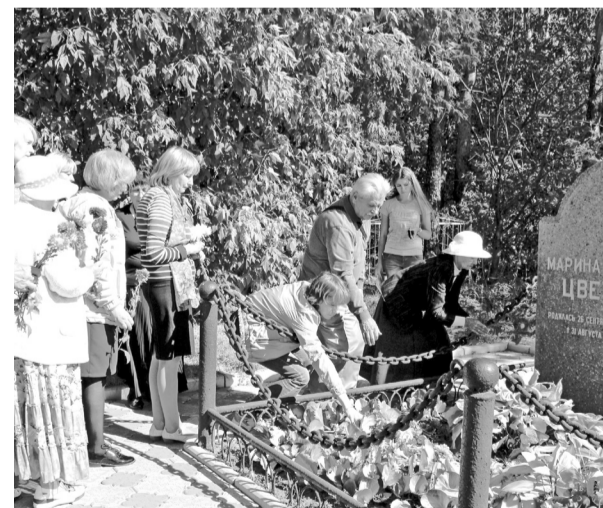
Зират капкаларын киереп ача Кәлимулла Фәтхуллы улы. Жиренә житкереп эшли ул һәр эшен, Нияте мөселманча догалы.

Әкрэн генә, нәкъ кабер турына Туктата ул йөкле арбасын. Кырык тугыз ел гомер кичкән хатын Түгелдер лә ул эт баласы —

Ышкымый ясалган ямьсез агач тартма... Эчләрендә Олы шагыйрә! И, Язмышкай! Ходай каршысында Аңа ничек җавап бирергә?!

Белмәсә дә шагыйрь икәнлеген, Эчтән дога укый Кәлү, кызгана. ... Ә жир өстендә Маринаның сөйгән Миләшләре янып кызара.

Гөлзәдә Әхтәмова

И палящее солнце уже превращалось в медь. И спускалась на Елабугу благодать. Она выбрала эту землю, чтоб умереть. Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать. И она не могла не знать, что сюда придут И поклонятся, и будут читать стихи. И поэту — светел ее приют. И могилы — нет. И слезы у нас легки. И поэту — будь навеки благословен Этот край, этот берег, елабужская вода... Ведь Марина — не камень, не крест, не тлен. Это только то, что осталось в нас. Навсегда.

Ольга Григорьева

ТВОРЧЕСТВО

Моя Цветаева

(Маленькое библиографическое эссе про счастье)

Перечитала «Моего Пушкина». Пытаться писать, когда есть такое, – бессмысленно. Но как быть с благодарностью? Марина Ивановна и это объяснила: «Что такое человеческое творчество? Ответный удар, больше ничего. Вещь в меня ударяет, а я отвечаю, отдаряю. ...Единственное, что хочу дать, – вещи ударить в себя и, устояв, отдать. Воздать. Дар отдачи. Благодарность». Устоять, отдарить, воздать? Попытаться, во всяком случае.

Все началось весной 1975 года. Оканчивая институт, получила направление в Елабугу. Однокурсница, узнав об этом, промолвила: «О, в Маринин город едешь...».

В «Марининном городе» стоял дом Бродельщиковых, приютивший ее на 10 дней. Возведенный в 1925 году, он четырежды сменил хозяев и станет – официально – музеем 4 июня 2005 года. До этого ни разу не решилась зайти в него: хозяйка сменилась, посетителей и прежние, и нынешние не особо жаловали. Решился и успел другой человек – Вячеслав Головкин, молодой преподаватель Елабужского пединститута. Анастасия и Михаил Бродельщиконы, владевшие домом в 1932-1970 годах, были еще живы. В течение 4-х лет, начиная с 1968-го, Вячеслав Михайлович общался с ними, делал необходимые записи, зарисовки, изучал документы, встречался со старожилами, а в 2007 году, благодаря поддержке нашего музея-заповедника, вышла его книга по елабужскому периоду жизни поэта – «Через Летейски воды...». А до него, в 1964 году, в доме побывал Рафаэль Мустафин и рассказал об этом в газете «Комсомолец Татарии»...

Работать я начала в другом доме, ставшем ей приютом дня на 3-4, только об этом, увы, довелось узнать позже. А тогда, во второй половине 70-х, вела занятия и иногда, когда учащиеся выполняли какую-либо работу и наступала тишина, задумывалась, что же видели эти старинные стены, что знают... В свободное время бегала мимо дома Бродельщиковых в библиотеку пединститута, ведь только там, в читальном зале, можно было переписать стихи из потрепанных из-за многократного использования сборников 1961 и 1965 годов, вышедших в Малой и Большой сериях «Библиотеки поэта».

... 17 августа 1941 года, ночью, старые стены библиотечного техникума увидели небольшую группу людей, эвакуированных из Москвы. Среди них была Марина Ивановна с сыном Георгием. Здесь они находились до 21 августа. Несколько последних лет это большое трехэтажное здание с просторным двором пустует и ждет своего, надеюсь, звездного часа, ибо связано с именем великого поэта.

Во время занятий, чаще с заочниками – они много писали и уставали, – делала небольшие перерывы и ... читала Цветаеву. «Состояние творчества – есть состояние наваждения», – написала Марина Ивановна. Читая по диагонали, случайно прочла: «наслаждения». Может быть, и наваждения, но читается – с наслаждением. Мало с чем сравнимым.

Среди заочников сидела Елена Поздина, будущий директор музея М. Цветаевой. Была очень тронута, когда, неожиданно увидев Елену Викторовну в 2005 году, услышала, что те стихи во время занятий привели ее к работе, ставшей любимой и главной. Наш тандем приносил потом и другие плоды. Например, в 2009 году, перед проведением Цветаевских чтений в Москве, она позвонила мне: «А не могли ли Вы предложить Вашей приятельнице-поэту перевести несколько стихотворений Марины Ивановны на татарский язык?». Результат – книга переводов «Суда поспешно не чини...» Гульзады Ахтямовой, изданная Елабужским музеем-заповедником в 2010 году! Преподаватели Елабужского института назвали книгу «очередной золотой монетой цветаеведения», а Марьям Ларина, автор книги «Елабуга гостей не забывает. Приезжайте!», значительная часть которой связана с именем М. Цветаевой, писала: «Соответствовать поэту-гению, сумеет «перевести его на другой берег», как называла сама Цветаева работу переводчика, – это свершающееся на глазах чудо. Как будто кто-то помогает Ахтямовой держать планку: ни шагу от правды! И потому она не измышляет новые образы, она только не искажает созданное великим поэтом. Как это у нее получается – остается загадкой, только каждый стих Марины Цветаевой на татарском языке рассказывает о том же, о чем гений писал на русском».

Кстати, заочники подарили мне теперь уже раритетное издание – серо-голубой томик 1961 года со стихами Марины Ивановны. Это была одна из первых книг в моей «Цветаевской библиотеке», как и 2-й номер журнала «Наука и жизнь» за 1967 год – с очерком «Мой Пушкин». Примерно тогда же приобрела «Воспоминания» Анастасии Цветаевой, обменяя на 4-томное собрание сочинений какого-то советского поэта.

А еще конце 70-х удалось съездить – блаженные времена! – на

курсы повышения квалификации в Москву и Ленинград. В Москве – одна, в предзимнюю непогоду – пыталась разыскать деревянный одноэтажный «шоколадный» дом в Трехпрудном переулке. Вроде бы и нашла, обошла: номер тот же, и место то же, но он был из красного кирпича и многоэтажным...

Однажды мой муж, человек вообще-то довольно прагматичный, преподнес мне бесценный подарок – семитомник сочинений Марины Цветаевой. Начались долгие месяцы чтения и открытий, началось самое настоящее общение: задавалась каким-нибудь вопросом (записывала его на полях или просто ставила знак вопроса) и где-нибудь – чаще в письмах – находилась ответ. И все было понятным, родным, и не было ничего чужеродного, странного, сложного...

В середине 90-х годов на Дне памяти удалось купить мини-аторный сборник афоризмов М. Цветаевой «Песня и формула», подготовленный Натальей Ларцевой. Очень теплое и парадоксально-убедительное издание: крошечный формат и объем, бездонное содержание. Завидую себе, имеющей его. 190 страниц читаю и перечитываю уже много лет.

«Цветаевская библиотека» продолжала пополняться. Читать все уже не успевала – копилась «библиотека радости». Некоторые издания появлялись в ней благодаря «обыкновенному чуду». Лет двенадцать назад, в августе, должна была привезти из Казани большую партию книг. Ребята, сидевшие в автобусе, вызвались помочь. Быстро и дружно мы начали загружаться. И вдруг хозяйин фирмы, почти пролетая мимо, задал мне абсолютно неожиданный вопрос: «Какую книгу Вам подарить?». Ответ тоже был молниеносным: «Цветаеву!». Через несколько минут он протянул мне большую книгу Ирмы Кудровой «Путь комет»...

С этого времени до начала ноября жила в Цветаево-Кудровском мире, читая ежедневно по 5-50 страниц. Удивление и радость от ошеломительного подарка не проходит до сих пор. В перерывах между чтением, удивлением и радостью ходила на работу, что-то готовила, общалась с домашними. В книге было много подробностей, добротностей и вообще много нового. Тяжело читались 19-20-е годы. Был ужас от конца 30-х. Где-то после 450-й страницы поймала себя на радости: «До конца книги далеко – Марина еще жива». Кстати, там же, но немного позже удалось приобрести «Дневники» Георгия Эфрона. Читать начала с елабужских страниц. Городок и его жители произвели на 16-летнего максималиста тягостное впечатление... Он отчаянно и храбро купался в своей правде, как и Марина Ивановна. Многие ли из нас, как бы этого ни хотелось, могли, могут себе это позволить?

Есть и сомнительные книги о Поэте. Одна из них, имеющая солидный объем, в качестве патологического образца была передана мне на время и лежит отдельно – в «лепозории». Но, мне кажется, это книга не столько о Марине, сколько об авторе книги и его личных проблемах.

И все же, почему – Цветаева? Потому что это отдельный и самодостаточный мир. Не надо пытаться других людей, не надо просить что-то, тревожащее тебя, объяснить. Не всем дано, но ведь какие-то вещи хочется понять не за 5 минут до смерти. Она, а следом за ней и мы – «поддаемся воспитанию»: «Когда людей, скучивая, лишают лица, они делают сначала стадом, потом сворою», «В доме, где нет культа матери, мать – раба»... Она учит великодушию. Очень по-разному писали и пишут, говорят до сих пор о ней, а она, как никто другой, умела радоваться чужому таланту и учила защищать поэтов: «Права суда над поэтом никому не даю. Потому что никто не знает. Только поэты знают, но они судить не будут. А священник отпустит». Ей был Дар, сохраненный и переданный: «На парусах моих стихов все выплывут в открытое море. Все, кроме меня. Ибо я – ткач». Хотя почти все и всё было против, начиная с рождения: «Ум и талант – плохие дары в женскую колыбель»...

На II Цветаевских чтениях в 2004 году самым главным – стояла немислимая тишина в довольно большой аудитории – оказалось выступление Антонины Кузнецовой. Антонина Михайловна читает так,

что все остальное – сцена, аудитория, люди вокруг и даже она сама – пропадают. Слово она открывает тот, «другой мир», о котором писала Марина Ивановна, а сама тихонечко отходит(!) в сторону: «Вы верите в другой мир? Я – да. Но в грозный. Возмездия! В мир, где царствуют Умыслы! В мир, где будут судимы судьбы. Это будет день моего оправдания. Я буду стоять и ликовать. Потому, что там будут судить не по платью, которое у всех здесь лучше, чем у меня, и за которое меня в жизни так ненавидели, а по сущности, которая здесь мне и мешала заняться платьем».

Еще один «подарок от Марины» – Елена Фролова. Она тоже не раз была в Елабуге. В 2007 году, когда от Управления образования мы пригласили Елену Борисовну и поблагодарили, – шел телефонный разговор – за согласие приехать, она немного помолчала в ответ, а потом произнесла: «Так ведь место – святое...». Удалось снять 40-минутный видеофильм (благодаря поддержке и помощи Валерия Мустафина, ее звукорежиссера из Казани) после первого приезда Елены Борисовны, и мы наслаждаемся возможностью «побывать» на ее Цветаевском концерте еще и еще...

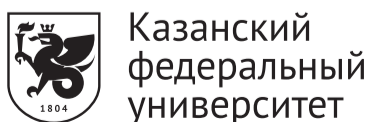
Время от времени судьба преподносила подарки и другого рода. Как-то летом удалось поработать в Марининном музее в качестве экскурсовода. Любимая тема и столько разных по возрасту, профессиям, статусу, географическим параметрам открытых, интересных, необычных людей, неравнодушных глаз – работа была безумно интересной! А еще такого количества «спасибо» в такой разнообразной форме я не слышала за всю свою жизнь... Теперь знаю одну из главных причин, по которой музейщики, работающие в Цветаевских музеях, не меняют свою работу.

В августе 2006-го случилось Плавание, повторившее путь на ее Голгофу. Это были III Международные Цветаевские чтения, организованные Музеем-заповедником на теплоходе «Александр Головачев». Во время стоянки в Ярославле тщательно искала в книжных магазинах сборники стихов другого великолепного поэта – Ирины Снеговой (она родом из этого города), зато удалось приобрести двухтомник «Неизданного» М. Цветаевой и «Скрещение судеб» Марины Белкиной. Зачем нужны эти и многие другие книги? Почему концерты Антонины Кузнецовой, Елены Фроловой пропустить невозможно? Почему так интересны люди, знающие и ценящие Марину Цветаеву и хорошую поэзию вообще?

А почему мы любим детей, почему бесконечно дороги внуки? Почему не можем насмотреться на высокую зеленую траву, колышущуюся на ветру, или пронзительно синие цветы на зеленом? Почему замираем, увидев деревья в инее или нежно-зеленой дымке, почему утешаемся, слушая шум берез, леса и глядя на падающий снег? Почему, вдохнув горный воздух, понимаем, что раньше и не дышали вообще...

Потому что это – жизнь.
Потому что это – счастье.

Мавлида Сираева

Казанский
федеральный
университет

Елабужский ИНСТИТУТ

Будь с нами на связи!

[B](https://www.instagram.com/Elabuga_edu) /Elabuga_edu [f](https://www.facebook.com/Elabugaedu) /Elabugaedu

423604, г.Елабуга, ул. Казанская, 89. Тел. +7 (85557) 7-55-62. E-mail: elabuga@kpfu.ru

Архив газеты на сайте
kpfu.ru/elabuga

UNИвести

Издается с октября 2006 г.

12+

Газета Елабужского института КФУ
Выходит 25 числа каждого месяца
Редактор: М. Сираева
Редколлегия: А. Разживин, А. Кавиев,
Е. Сайбель
Верстка: Р. Нутфуллин, М. Сираева
Корректор: А. Сагитова

Тираж - 999 экземпляров
Распространяется бесплатно
Адрес редакции: ИИ КФУ,
г. Елабуга, ул. Казанская, 89, ауд. 31
Внутренний телефон: 121
E-mail: UNInvesti2015@yandex.ru
Отпечатано: ООО «ЕлТик»